

Если их внешний облик очерчен даже достаточно традиционно, новые богатейшие возможности дает внимание к жесту, выражению лица, глаз. Появляется такое понятие, как «язык взоров», «язык сердца». Этот язык оказывается наилучшим толкователем чувств, внутренних переживаний, их мгновенной смены, перехода от одного состояния к другому. Умение видеть впервые осознается как особый, необыкновенно ценный дар. В стихотворении «Зрение» (1776, 1785?) Муравьев писал:

Во глубине души сокрыты движенья
Особые в очах находят выраженья.
Брегущим иногда молчанье устам
Сказали очи всё взирающим очам.

Умение читать «язык взоров» открывает недосказанное:

Как искра бодрый взор приемлется сердцами,
Все может нежный глаз, сияющий слезами:
И радость, и печаль, любовь, и гнев, и страх
Изображает глаз мгновенья на крылах.
Понятий дежные оттенки представляет,
Природной чистоты он их не умаляет.⁴⁹

Читая произведения европейских сентименталистов, русские авторы особое внимание обращают на примеры толкования взгляда или жеста. Так, характерно примечание Карамзина к отрывку из «Тристрама Шенди» Л. Стерна («История Ле-Февра»). Речь идет о значении взгляда, обращенного умирающим Ле-Февром на дядю Тоби и на сына. Карамзин разъясняет, что этот взор «положил связь» между стариком Тоби и маленьким Ле-Февром. Одновременно Карамзин восхищается отмеченной деталью, передающей внутреннее через внешнее.

В собственной практике русские писатели также стремятся найти средства, раскрывающие значение того или иного жеста, взгляда, улыбки. При этом особый интерес вызывает переход от одного состояния к другому и соответственно внешнее отражение этих внутренних движений. Так, в повести «Остров Борнгольм» Карамзин следующим образом описывает впечатление путешественника от первой встречи с «почтенным седовласым старцем»: «Ему хотелось быть приветливым, — хотелось улыбкою вселить в меня доверенность и приятные чувства дружелюбия, но знаки сердечной печали, углубившиеся на лице его, не могли исчезнуть в одну минуту».⁵⁰ Целая гамма переживаний выражается во взгляде таинственной незнакомки: «Она смотрела на меня неподвижными глазами, в которых видно было удивление, некоторое любопытство, нерешимость и сомнение».⁵¹ В более поздней повести Карамзина «Марфа Посадница», связанной с новыми творческими поисками писателя, встречаем, однако, аналогичные

⁴⁹ Муравьев М. Н. Стихотворения, с. 161.

⁵⁰ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1964, т. 1, с. 667.

⁵¹ Там же, с. 671.